УДК 330.13

А.В. Бузгалин

ECONOMICS И «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ»: АЛЬТЕРНАТИВЫ ЕСТЬ

Рассматриваются проблемы развития и взаимодействия различных школ экономической науки, а также возможности использования их багажа в экономических исследованиях и образовании.

Ключевые слова: *политическая экономия, экономикс, эко-социо-гуманитарная «экспансия».*

Постановка проблемы. По поводу трактовки терминов «economics» и «политическая экономия» идет немалая (хотя и несколько вялая, не акцентированная) полемика. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой «окончательно» договориться о понятиях до начала содержательного исследования невозможно, ибо они получают свое наполнение именно в рамках определенной научной системы. Ограничимся лишь некоторыми не слишком спорными предварительными замечаниями.

Анализ последних исследований и публикаций. В России примерно с конца 80-х годов (после перевода на русский язык ряда учебников) термин «economics» стал употребляться во вполне определенном смысле – для обозначения суммы знаний (и соответственно учебной дисциплины), излагаемых в стандартном учебнике, где всегда присутствует разделение на микро- и макроэкономику и описывается функционирование рынка плюс (отчасти) его регулирование государством (во вводном курсе микроэкономики de facto рассматривается рынок образца XIX – начала XX вв., макроэкономики – середины прошлого столетия).

В основе этих учебных курсов (а предмет данного раздела – теоретические основы *учебных дисциплин)* лежит концепция А. Маршалла (он и ввел термин «economics»), дополненная идеями кейнсианства, неокейнсианства (Р. Харрод, Э. Хансен), посткейнсианства (Дж. Робинсон, П. Сраффа) – с одной стороны; монетаризма (М. Фридмен) и пересекающейся с ним «новой классической теории» (А. Лаффер, М. Эванс и др.) – с другой. В свою очередь, в глубинной основе этой суммы знаний лежат маржинализм (У. Джевонс, К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Л. Вальрас и др.), теория факторов производства (восходящая к Ж.-Б. Сэю) и предельной производительности (развитая Дж.Б. Кларком). Неоклассический синтез (П. Самуэльсон), инкорпорируя кейнсианские идеи в систему постулатов теории рыночного равновесия (поскольку Дж.М. Кейнс также во многом основывался на последних), «счастливо» избежал принятия духа кейнсианства, отрицающего автоматизм рыночного равновесия. Институционализм, неоинституционализм и ряд менее известных школ при этом вообще остались «по ту сторону» типичных учебных курсов (в последнее время в лучшем случае преподаются наряду с ними). Для описываемой научной и учебной дисциплины типичным является использование терминов «экономическая теория», «*economics»* как обозначений понятийного поля[1].

В отличие от этой суммы знаний и дисциплин термин *«политическая экономия»* для большинства экономистов России[2] ассоциируется с классической экономической теорией, на базе которой в середине прошлого столетия сформировались две противоположные теоретические парадигмы – марксистская (или политэкономия труда) и иная, не имеющая однозначного самоназвания, но включающая в себя широкий круг школ, развивавших идеи предельной полезности, факторов производства и т. п. (назовём такую совокупность школ политической экономией капитала; подробнее об этом определении ниже). Ряд из них положен в основу объяснения механизмов функционирования рынка, излагаемых в учебниках economics. Нельзя поэтому сказать, что economics вообще не имеет касательства к политической экономии. Однако

[1]Для отечественных исследований характерны немалые различия в классификации основных направлений экономической науки. Мы воспользовались одной из наиболее распространенных и близких к западным «образцам» [5].

[2]Но не Запада: там этот термин обозначает поле экономико-политических взаимодействий, экономической политики, общественного выбора.

© *А.В. Бузгалин, 2012*

развитие собственных политико-экономических теоретических предпосылок давно уже стало для economics более чем второстепенным делом.

Как видно, различие названных терминов не строго, и отчасти носит исторический характер, отчасти связано с акцентом на разных пластах экономической жизни: к глубинным проблемам (субстанция и природа богатства, ценности и т. п.), причинно-следственным связям, к социально-экономической интерпретации хозяйственных явлений (будь-то теория эксплуатации или теория факторов производства) больше тяготеет политическая экономия; к изучению функционирования современной рыночной экономики – economics.

Итак, современная экономическая наука de facto делится на политическую экономию и economics, а внутри первой – на две линии: *политическую экономию труда и политическую экономию капитала* (внутри economics также существуют различные тенденции, но их подробный анализ не является здесь нашим предметом). К 1990-м годам XX в. первая линия политической экономии «истончилась», и в настоящее время ее представители в мире составляют 5–7% (в России – чуть больше) от общего числа специалистов в области экономической теории, а вторая (исследование природы ценности и других фундаментальных проблем) линия политической экономии вообще практически исчезла, «снявшись» почти без остатка в математизированном economics.

Цель статьи. Практика как деятельность общественного человека, творящего историю (естественно, в рамках объективно возможных «русел» социального развития), гораздо шире, чем бизнес в стабильном буржуазном обществе. В той мере, в какой мы хотим быть практичными в изначальном смысле этой великой категории[3], для нас важно понять законы исторической жизни, исторического прогресса и регресса. Эту задачу помогает решать сложная система теорий, лежащих в рамках той же парадигмы, что и политическая экономия труда. И здесь логичен вопрос: действительно ли можно нащупать точки взаимодействия политической экономии и economics?

Результаты исследования. Развитие порожденного тотальной экспансией экономикса «экономического империализма» привело, однако, к возрождению в конце XX в. термина «политическая экономия» в совершенно ином смысле. Под ней понимается базирующаяся на неоклассической парадигме теория, изучающая экономическую политику (трактуемую, как правило, в неолиберальном духе). С этим полем прямо взаимосвязана и уже давно известная теория общественного выбора, в рамках которой политический процесс рассматривается преимущественно как рынок особого рода. Тем самым «новая» политическая экономия ныне предстаёт в большинстве случаев как методология и теория экономикс, применённые к исследованию неэкономических процессов. Эта экспансия неоклассики в неэкономические области неслучайно сопряжена со всё большим распространением методологии и теории неоинстиутционализма, где методология индивидуализма, рыночноцентризма и математизированного позитивизма используется для анализа «стыка» экономических и правовых проблем, особо значимого в экономике позднего капитализма, где всё более доминирует сфера трансакций, а не производства.

Предлагаемая же нами альтернатива предполагает принципиально иной акцент, генетически восходящий к классической политической экономии: использование широкого *социо-* и *гуманитарно-* (в современных условиях – еще и *эко-*) ориентированного подхода и методологии к исследованию собственно экономических процессов, которые в этом случае рассматриваются как всего лишь одна из сфер общественного развития. Такова, на наш взгляд, главная определенность и классической, и современной, ***постклассической политической экономии***. Последняя в данном контексте предстаёт как эко-социо-гуманитарно-ориентированная экономическая теория, противопоставляющая своего рода *«экспансию» социо-гуманитарных и экологических подходов в область экономических явлений в противоположность нынешней – «экономиксовской» – экспансии узкоэкономических (рыночных) подходов в социальные, политические*

[3]Подобное понимание практики восходит к классическому марксизму и развито в работах таких последователей марксизма, как Д. Лукач [4], Ж.-П. Сартр [6] и др. на Западе, а также в работах таких советских ученых, как Э. Ильенков [3], Г. Батищев [1], Н. Злобин [2] и др.

и гуманитарные сферы. При этом собственно *«политический» аспект* политэкономии никуда не исчезает, составляя одну из центральных проблем широкого социального блока.

Эта «экспансия» социальной (в т. ч. политической) и гуманитарной проблематики не является чем-то принципиально новым для классической политической экономии (поэтому, в частности, мы и используем столь часто термин «реактуализация»). Начиная с Адама (в данном случае имеется в виду Смит), классическая политическая экономия исходила из принципиального единства нравственного и экономического начал[4]. Для К. Маркса широкий социальный, политический и гуманитарный (а в ряде работ и «натуралистический», т. е., говоря сегодняшним языком, «экологический») контекст экономических процессов был очевиден. Не менее очевиден он был и для таких его последователей, как В.И. Ульянов, Г. Лукач и мн. др. Более того, даже «продвинутые советские учебники исторического материализма» всячески боролись с «грубым экономическим материализмом», игнорирующим обратное влияние «надстройки» на производственные отношения и не учитывающим сложный комплекс взаимодействий общества и природы.

Но это в данном контексте не главное. Человечество вступает в период заката мира, который К. Маркс назвал «экономической общественной формацией», и в эту эпоху проблемы *взаимо*действия экономических и социо-гуманитарных, экологических, технологических аспектов развития становятся принципиально значимыми. Сие есть банальность. Вопрос, однако, в том, как отвечать на эту банальность – методом «экономического империализма» в не-экономические сферы (т. е. путем навязывания рыночного фундаментализма и не-экономическим сферам) или путем эко-социо-гуманитарной трансформации экономики.

Эта стратегическая альтернатива прямо связана и с теоретическими дебатами нарождающейся постклассической политической экономии, и с всё ещё господствующей экономикс.

Эти две парадигмы существенно различным образом отвечают на все «вечные» вопросы экономической теории, по-разному определяя сам феномен экономики (т. е. свой предмет) и методы её исследования, её акторов и основные категории. На этом, пожалуй, стоит остановиться чуть подробнее, проведя краткий сравнительный анализ этих двух парадигм по обозначенным выше параметрам.

Итак, сама ***экономика*** в трактовке экономикс предстает как сфера индивидуального выбора рациональным экономическим индивидом наиболее эффективного пути использования ограниченных ресурсов. Эта постановка может несколько корректироваться (в частности в свете нынешних дебатов о мере ограниченности рациональности индивида), но принципиальная постановка вопроса не изменяется: центральная проблема – это выбор атомизированным актором оптимальной модели совершения трансакций, которые по определению носят рыночный характер. Именно эта модель переносится и на другие сферы общественной жизни. Более того, в большинстве случаев мэтры монетаризма (определяющие мэйнстрим экономикс) вообще стремятся свести экономическую науку к теории денег (высказывание: «экономика – это деньги» приписывается десяткам «классиков» экономикс и даже российским министрам финансов).

Постклассическая политическая экономия принципиально иначе рассматривает «экономику». Для нас это совокупность (1) качественно различных (2) исторически конкретных (3) объективно-обусловленных (4) систем (5) производственных отношений, в которые индивиды и их социальные группы вступают в (6) процессе воспроизводства. Эти системы (7) *взаимо*действуют с природой и технологическими основами экономики, а также (8) её социо-гуманитарным оформлением в процесс (9) исторического развития, критерии прогресса которого и задают высшие критерии эффективности экономического процесса.

Все эти акценты радикально отличают политэкономический подход. По сути дела это иная, чем экономикс, наука, у них разный ***предмет***. Но в то же время ряд объектов этих наук совпадает: и та, и другая анализируют процессы движения товаров (продуктов, услуг) и акторов этого процесса (человек, государство…), имеют сходные категории (стоимость или ценность, деньги, капитал, рента…). Поэтому сравнение этих парадигм имеет смысл.

[4]Об этом говорят даже названия основных работ А. Смита.

Методы исследования этих дисциплин также весьма различны. Если для экономикс исходный пункт исследования – это прежде всего количественно измеримые (в подавляющем большинстве случаев – в деньгах) эмпирические данные, то для политической экономии – общественная практика, понятая как деятельность общественного индивида, а эмпирические данные в большинстве случаев – это не более чем косвенное отражение видимостей и превратных форм, которые надо исследовать с тем, чтобы добраться до истины, а не принимать как факт = критерий истины. Тогда как само исследование для экономикс есть прежде всего позитивное, верифицируемое моделирование (как правило, математическое) процессов функционирования некоторых параметров рынка и регулирующих воздействий, то для политической экономии – это исследование системы противоречий исторически развивающейся реальности, отображаемое в системе генетически взаимосвязанных категорий, где одни категории (видимость) отрицают другие (сущность), и лишь вся система даёт конкретное представление о предмете, а противоречия есть симптом не ошибки, а приближения к истине. Математические же модели играют роль одной из форм отображения количественных взаимодействий, далеко не исчерпывающих сложный мир отношений экономической системы.

Столь же различно понимание акторов экономики. ***Человек*** в экономикс есть более (для одних школ) или менее (для других школ) рациональный эгоист, максимизирующий свою полезность, которая, как правило, отождествляется с деньгами, и минимизирующий свои затраты, прежде всего, труда. Если в этой парадигме и встаёт проблема человеческих качеств, то только для того, чтобы превратиться в особый вид капитала и далее рассматриваться лишь под одним углом зрения: в развитие каких из них наиболее прибыльно инвестировать. В постклассической политической экономии Человек не случайно пишется с большой буквы, ибо его личностное развитие позиционируется как высший критерий прогресса и, соответственно, высшая мера эффективности любой экономической системы – это, во-первых.

Во-вторых, показывается, что в разных экономических системах Человек качественно различен по своему социально-экономическому бытию: в условиях добуржуазных систем он мог быть объектом внеэкономического принуждения, стремился к воспроизведению традиционного типа и объёма деятельности, а максимизацию денег считал аморальным занятием; в условиях рыночной экономики рождается тот самый экономический человек, которому экономикс видится «естественным», а между тем этот тип личности и соответствующие ему системы ценностей и мотивов стали господствующими в мире едва ли сто лет назад. До этого большинство людей производило и потребляло под влиянием совершенно других интенций. Более того, в настоящее время всё более активно развивается новый тип личности – субъект творческой деятельности, для которого труд становится ценностью, а не тягостью…

В-третьих, с точки зрения политической экономии – и классической, и современной – человек в условиях «экономической общественной формации» включен в большие социально-экономические структуры (классы, страты и т. п.), которые, в свою очередь, также существенно детерминируют тип его экономического поведения, ценности и мотивы.

Соответственно, в-четвертых, проблема *рациональности* политической экономии – это, прежде всего, вопрос не большей или меньшей рациональности, а типа рациональности. Это преимущественно вопрос не о том, *насколько* рационален человек, а о том, *как* он рационален, что и почему он максимизирует (соблюдение чести и традиций, деньги, творческую деятельность), что и почему он минимизирует и, главное, как и почему он совершает те или иные *поступки* в своей *общественно-исторической практике*, как и почему он самоопределяет себя, поддерживая или отвергая социально- и/или экологически-ориентированные реформы, инициируя (поддерживая) или нет революции (в том числе – антифеодальные, например, войну за независимость в Северной Америке) и т. п.

Не менее важен вопрос о том, что есть ***общество*** и может ли оно рассматриваться как самостоятельный актор, обладающий некоторыми реальными экономическими интересами. С точки зрения политической экономии общенародные интересы – это не фикция и даже не только теоретическая абстракция. Это реальный экономический феномен, с которым необходимо считаться в практике и который необходимо изучать в теории. Общечеловеческий интерес сохранения и рекреации природы – это реальный фактор, обусловливающий необходимость скоординированных на международном уровне экономических действий и осуществле-

ния значимых затрат, это феномен, требующий перехода в оценке макроэкономической эффективности к показателям, учитывающим сокращение невозобновляемых природных ресурсов, загрязнение среды и т. п. Общенациональный интерес обусловливает целый спектр теоретических и практических проблем социальной защиты, экономической безопасности и т. п. с соответствующей корректировкой всех оценочных показателей и не только…

Еще более сложен вопрос ***о государстве и его роли в экономике.*** В политической экономии государство предстаёт как исторически различный актор, специфический для разных экономических систем, представляющий сложную совокупность интересов (от общенародных до классовых и интересов государственной бюрократии, как особой подсистемы этого института). Его роль в экономике отнюдь не сводится к минимально-необходимому вмешательству, связанному с компенсацией провалов рынка, а определяется как действия особого экономического субъекта, реализующего особый способ экономической координации – учёт, контроль, регулирование, программирование и т. п.

Кажущееся сходство в определении «***фирмы***» в постклассической политэкономии и экономикс тоже оказывается видимостью.

С одной стороны, экономикс (и даже неоинституционализм) по сути дела заимствовали классическое политэкономическое определение основного хозяйствующего субъекта рыночной экономики: (1) обособленный владелец товара (в развитом виде – капитала), для которого (2) характерны планомерные внутренние и конкурентно-рыночные внешние связи (вспомним данное в «Капитале» определение капиталистической кооперации – исторически и логически исходной формы капиталистической «фирмы»). Неоклассика воспроизводит (только несколько иными словами) первое, неоинституционализм – второе.

С другой стороны, политэкономический подход к трактовке первичного хозяйственного звена шире и глубже. Шире, ибо он предполагает выделение такого звена в разных экономических системах. Так, в эпоху доиндустриального феодализма первичным звеном было поместье, крестьянская община; раннего капитализма – простая капиталистическая кооперация, развитого индустриального капитализма – капиталистическая фабрика, постиндустриальной системы – капитал-сеть и т. д. Глубже, ибо в политэкономии специально анализируется различие технологических основ первичного звена (на что мы указали выше), его социально-экономической формы (скажем, при капитализме она эволюционирует от мелкого товаропроизводителя до транснациональной корпорации) и юридического оформления. Наконец, для политэкономии «фирма» – это ячейка, в которой отражаются (как океан в капле воды) все производственные отношения той или иной экономической системы (последнее отчасти характерно для близких к политэкономии классического институционализма и экономической социологии).

Наконец, вопрос о трактовке практически всех экономических категорий поставит перед нами те же задачи-проблемы различения и сопряжения их смыслов и места в науке, различных в экономикс и политической экономии…

И все это в конечном итоге упирается в то, что, как и для чего изучают эти науки, на какие поставленные задачи и вызовы они отвечают.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Так мы вновь (надеемся, что на новом витке исследования) вернулись к выводу одного из предыдущих подразделов: практика как деятельность общественного человека, творящего историю, гораздо шире, чем бизнес в стабильном буржуазном обществе. Этот тезис позволяет нам продолжить сравнительный анализ экономикс и политической экономии. А продолжим мы его апелляцией к банальному тезису: если мы признаем, что мир *качественно изменчив* и что эти изменения особенно интенсивно происходят в последние десятилетия (постиндустриальная революция, обострение глобальных проблем, рождение и распад «реального социализма»), что чем дальше, тем больше именно они будут определять передний край нашей общественной практики, а значит, и теории; если мы признаем, что мир глобален и его социально-экономическая жизнь несводима к функционированию рынка; если, более того, мы признаем, что необходимая для практики в широком смысле слова политико-экономическая теория несводима к узкому кругу выводов, используемых economics, – если мы признаем все это, а также примем во внимание сформу-

лированные выше различия политической экономии и экономикс, то мы сможем сформулировать весьма важные *методологические гипотезы,* показывающие ***спектр проблемных полей, которые экономикс не охватывает вообще или рассматривает, заимствуя багаж политической экономии,*** причем заимствуя поверхностно, неполно и без указания на первоисточник. Этот спектр будет прямо корреспондировать с выделенной выше спецификой предмета и метода постклассической политэкономии и экономикс.

1. «По ту сторону» economics по сути дела остаются все вопросы исследования нерыночных экономических систем и не-рыночных экономических отношений; эта теория «рыночноцентрична»; все, что не-рынок, для нее не существует или оценивается исключительно как «провалы» рынка, которые должны быть сведены к минимуму (о «рыночноцентричности современного mainstream'а мы специально писали ранее).

2. Даже если абстрагироваться от не-рыночных систем, *economics принципиально не исследует рынок* (мы бы сказали, систему товарных, в частности, капиталистических отношений) *как исторически-конкретную, т. е. возникающую и переходящую систему.* В ее рамках просто нет достаточных теоретических оснований для такого исследования.

3. В предыдущем разделе данного текста мы специально показали главную проблему: *economics даёт теоретические основания только для исследования механизмов функциональных взаимосвязей между различными экономическими агентами. Лежащие в глубине проблемы сущности «рыночной экономики» – сложную систему производственных отношений капитализма, закономерности его эволюции, его противоречия, причины рождения, развития и заката эта теория даже не ставит и не может ставить.*

4. Economics оставляет в стороне проблемы исследования реальных общественных отношений между различными большими группами людей (классами, слоями) в процессе *производства и распределения*, а не только обмена и потребительского выбора. Вследствие этого в основном игнорируются как *производственно*-экономические, так и *социально*-экономические проблемы, а вместе с этим экономические основы социально-классовой стратификации, понимание интересов и закономерностей поведения, противоречий и компромиссов этих сил, причин и последствий реформ и революций etc.

5. По ту сторону economics оказываются каузальные связи, характеризующие проблемы макроэкономической динамики (воспроизводства). Ответы на вопросы о *причинах* кризисов или их отсутствия, о причинах того или иного *качества* роста, соотношения роста и *развития*, экономических основах социально-гуманитарного *прогресса* (регресса) и т. п. найти в рамках стандартной макроэкономики невозможно. Последняя даёт только характеристику (более или менее адекватную, ибо всегда абстрагируется от массы принципиально значимых, но не квантифицируемых параметров) тех или иных функциональных связей (модели роста и т. п.).

6. За небольшим исключением работ, написанных постмарксистами, *economics игнорирует проблему взаимодействия материально-технических основ экономики и собственно экономических процессов.* За её бортом остаются экономические причины и последствия смены технологических укладов, влияния их на экономические процессы, отношения, даже поведение экономических агентов. Не рассматривается вопрос о том, почему и как определенный тип производственных отношений определяет особый тип технической эволюции (доминирование производства предметов роскоши в эпоху позднего капитализма, вещный фетишизм рыночной экономики, подмеченная еще Бодрийяром, ориентация на производство симулякров, все более характерное для капитализма эпохи постмодерна…). Эти проблемы активно разрабатываются в западной литературе, но почти исключительно вне методологии неоклассики.

7. Наконец, для economics по большому счету существуют только те экономические параметры, которые подлежат квантификации, могут быть количественно выражены. От всего остального – по сути дела от главной экономической материи, требующей применения не столько количественного, сколько качественного системного анализа, эта теория просто уходит, объявляя вненаучным все то, что, по их мнению, нельзя «строго» (т. е. при помощи сколь угодно далекой от реалий математической модели) отобразить и верифицировать.

Названные выше пункты относительно хорошо известны. Гораздо интереснее для нас посмотреть на проблемы, связанные с теми значимыми изменениями, которые не описываются

ни в «классических» учебниках *economics*, ни в классической политической экономии и подумать, насколько годится для их исследования неоклассическая методология и теория.

Список использованной литературы

1. Батищев Г. Диалектика творчества / Г. Батищев. – Ч. 2. – М., 1974.
2. Злобин Н. Культура и общественный прогресс / Н. Злобин. – М., 1979.
3. Ильенков Э. Философия и культура / Э. Ильенков. – М., 1991.
4. Lukacs G. History and Class Consciousness / G. Lukacs. – L., 1983.
5. Нуреев Р. Основы экономической теории / Р.Нуреев. – М., 1996.
6. Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique/ J.-P. Sartre. – Paris, 1960.

Розглядаються проблеми розвитку і взаємодії різних шкіл економічної науки, а також можливості використання їх багажу в економічних дослідженнях і освіті.

Ключові слова: *політична економія, економікс, еко-соціо-гуманітарна «експансія».*

The problems development and co-operation different schools economic science, and also possibilities of the use their luggage, are characterized in economic science and education.

Key words: *political economy, economics, eco-socio-human «expansion».*

Надійшло до редакції 01.06.2012.